
Глава 4

ТИПЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема установления основных типов межъязыковых лексических отношений остаётся пока открытой для сопоставительной лексикологии. Причины сложившейся ситуации объясняются, очевидно, очень большим разнообразием семантических корреляций, которые существуют как между лексическими единицами разного уровня, так и между разными языками. По сути каждый пример сопоставления лексических соответствий имеет свои неповторимые особенности, которые только весьма условно можно подогнать под какую-то обобщённую модель. Главным является вопрос основания классификации, т. е. определения тех исходных признаков, по которым можно установить типологию межъязыковых лексических отношений. В.Г. Гак, проведя параллель между исследованием Е.С. Федорова, который в 1890 г. установил 260 типов (комбинаций) в кристаллографии, и лингвистикой, пишет, что в языках мира можно вывести несколько десятков или сотен универсальных соответствий на основе сравнительно-типологического материала [52, 107]. В указанной работе самого В.Г. Гака также разработана типология лексико-семан-

тических отношений на материале русского и французского языков. В основе этой типологии — структура словесного знака и его асимметрия на межъязыковом уровне, которая проявляется в семиотическом, парадигматическом и синтагматическом планах. В зависимости от характера асимметрии в каждом аспекте выделяется определенное количество типов отношений. Например, в пределах парадигматической асимметрии выделяется расхождение по структуре номинации, когда при одной внутренней форме есть несовпадение во внешней форме типа фр. *Hommes* и рус. *товары для мужчин* и под.; см.: [52, 147].

Не ссылаясь на другие существующие подходы и не ставя целью дать исчерпывающую типологию лексико-семантическим коррелятам на межъязыковом уровне, предлагаем наиболее простую и в известном смысле универсальную классификацию возможных типов таких отношений. Этот подход отчасти согласуется с законом дистрибутивности в математической логике и полностью отвечает закономерности подчинения понятий в формальной логике. В итоге всё многообразие соотношений сопоставляемых слов в языках можно свести к трем основным типам: 1) полное совпадение (эквивалентность); 2) частичное совпадение (с двумя разновидностями — включением и пересечением семантики) и 3) несовпадение (исключение). Рассмотрим их подробнее.

4.1. Эквивалентность

С понятием эквивалентности неизбежно сталкивается каждый лингвист, занимающийся любыми видами сопоставлений: то ли внутриязыковыми, то ли межъязыковыми. Категорию эквивалентности в известном смысле можно считать центральной и универсальной при исследовании различного рода взаимоотношений языковых единиц на системном уровне, ибо основная цель анализа языка (языков) — это установление

состава и функций его элементов по интегральным (= эквивалентным) и дифференциальным признакам.

Эквивалентность (с лат. *aequus* — равный + *valentis* имеющий значение, цену) понимается обычно как равноценность, равнозначность [СИС, 584]. Исходя из этого, эквивалентными (или взаимоэквивалентными) необходимо считать такие единицы *A* и *B*, которые полностью совпадают по всем признакам внутри одной или в разных сопоставляемых системах, то есть единицы, между которыми устанавливается отношение тождества: $A = B$. В бытовом, житейском представлении, а часто и в научной практике такой тип соотношения лексических единиц признается главным. Так, считается, например, что взаимоэквивалентными являются слова типа рус. *стол* — укр. *стіл* — англ. *table* или рус. *книга* — укр. *книжка (книга)* — англ. *book* и т. п. На этом основании производятся подсчеты эквивалентных соответствий, которые по отношению к родственным языкам имеют, естественно, бóльшие показатели. Но даже в таком понимании эквивалентности лексики не приходится говорить о значительном совпадении взаимоэквивалентных слов. По наблюдениям А.Е. Супруна, в русском и белорусском языках до половины слов нетерминологического характера (а в поле нашего зрения именно эта часть лексики) «имеют различный объем или различные оттенки значения, независимо от того, совпадают или не совпадают эти слова по форме» [167, 30].

Если же исходить из необходимости совмещения ономаσιологического, семасиологического и эпидигматического аспектов при анализе лексико-семантических соответствий в сопоставляемых языках, то количество взаимоэквивалентных слов даже в языках близкородственных просто-напросто будет равно нулю. Но такое совмещение оказывается важным преимущественно в общетеоретическом плане для доказательства различного представления (моделирования) конкретными национально-языковыми культурами единого когнитивно-семантического континуума на ноосферическом уровне. В практическом отношении мы сталкиваемся с неизбежностью

отвлечения от постулата об отсутствии одинаковых слов в сопоставляемых языковых системах и руководствуемся им а priori, устраняя таким образом абсолютизацию использования противоположных понятий: таких, как *тождество*, *адекватность*, *эквивалентность*. Иначе говоря, категорию эквивалентности применительно к сопоставительной лексикологии следует воспринимать с известной долей условности и подводить под нее только такие лексико-семантические соответствия языков, которые имеют максимальное совпадение в составе и содержании семантических признаков, входящих в структуру их лексических значений¹.

Об установлении эквивалентности на уровне смысловой структуры слова в принятом нами понимании данного уровня говорить трудно, во-первых, потому, что словарные дефиниции (а это та непосредственная реальность, с которой в первую очередь имеет дело лексиколог) структурируют наиболее вероятные модели лексических значений слов, а не их смыслов, и, во-вторых, потому что лексические значения, как мы это пытались доказать, являются более устойчивыми образованиями, которые ближе всего расположены к единым с точки зрения когнитивно-семантической сферы концептам сознания-реальности. Но смысловая структура слова и, в частности, её импликационная часть, продуцируемая ассоциативными семантическими признаками, и для исследователя, и для каждого, кто прибегает к контрастивному анализу лексики разных языков, всегда, служит интуитивно-бессознательным определителем реальной семантической близости или отдаленности той или иной пары сопоставляемых слов. Необхо-

---

¹ Нет необходимости в расшифровке таких традиционно выделяемых критериев эквивалентности, как близость или тождество значений, единство понятия и взаимозаменяемость. Они сменяют друг друга в зависимости от предмета, целей и аспектов исследования, но, безусловно, принимаются в целом, хотя с точки зрения научной эти критерии остаются неопределенными и порождают произвол в толковании и использовании этих критериев.

димось непосредственного использования смысловой структуры слова при сопоставлении лексико-семантических соответствий возникает лишь тогда, когда словарный вариант структуры лексического значения вызывает сомнения, нуждается в уточнении, словом, когда алгебру словарной дефиниции необходимо проверить гармонией человеческой языковой памяти и живой практикой.

Семантическая близость сопоставляемых слов определяется степенью их эквивалентности, или степенью совпадения семантических признаков в структурах их лексических значений. И здесь возникает вполне объяснимый соблазн применения математических методик для более точного установления неуловимого семантического расстояния между лексическими соответствиями в двух сопоставляемых языках. Оно определяется с помощью очень простой формулы, которая в свое время (это был период активного использования в лингвистике математических приемов и методов) в разных вариантах служила инструментом для установления синонимических, полисемических и других отношений, в основе которых лежат различные виды и неодинаковая степень эквивалентных отношений между лексическими единицами; см., напр.: [16, 65 и сл.]:

$$E = \frac{2c}{A' + B'}$$

где c — количество общих для слов A и B семантических признаков, A' и B' — соответственно количество сем в структуре лексических значений A и B .

Величина, полученная в результате подстановки вместо символов данной формулы их численного выражения, должна, по идее, являться показателем семантической близости любой произвольно взятой пары сопоставляемых слов, иначе — служить показателем степени их эквивалентности, которая будет выражаться соответствующим коэффициентом эквивалентности слов (E). Используя данную формулу, шкалу семантической близости эквивалентов можно представить в виде отрезка $(0, 1)$, на котором любая пара лексических соответствий располагает-

ся вполне определенным образом: семантически более близкие стремятся к полюсу 1; семантически менее близкие тяготеют к полюсу 0. При $E = 1$ структуры лексических значений сопоставляемых слов полностью совпадают, и этот показатель следует считать пределом эквивалентности, а слова с таким коэффициентом — абсолютными эквивалентами. Но такие слова встречаются крайне редко и то, как правило, в сфере терминологической или специальной лексики. Ср. рус. *аист*₀ ‘крупная длинноногая перелетная птица с длинным прямым клювом’ [МАС I, 27] и укр. *лелека*₀ ‘великий перелітний птах із довгим прямим дзьобом та довгими ногами’ [СУМ IV, 474]. Если семы рус. ‘длинноногая’ и укр. ‘з довгими ногами’ посчитать за одну сему в предметно-логических компонентах этих слов, то приведенная выше формула будет иметь такое наполнение:

$$E = \frac{2c \cdot 7}{7 + 7},$$

где E будет равен 1.

При $E = 0$ между рассматриваемыми словами не возникает, естественно, никаких эквивалентных отношений, это совершенно разные слова, не имеющие между собой никакой семантической близости. E — это должна быть переменная величина, исчисляемая для каждой пары сопоставляемых слов и служащая своеобразным индексом, указывающим на степень эквивалентности у разных пар слов. Но при первых же попытках воспользоваться этой привлекательной по своей простоте формулой сталкиваешься с обычным препятствием: разнообъемностью словарных дефиниций и невозможностью их использования для математических доказательств степени эквивалентности слов. В этом снова обнаруживается естественное несовпадение структуры лексического значения и смысловой структуры слова. Как, например, следует исчислять количество общих и отличительных сем в дефинициях, которые формально не совпадают (как в случае со словами *аист* (*лелека*), но соотносятся с общим денотатом и вполне аде-

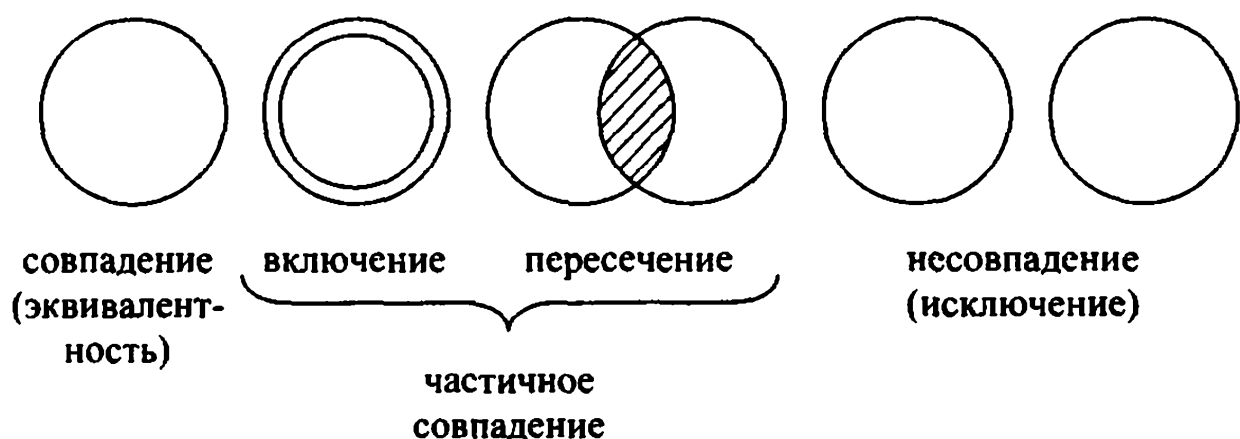
кватны в смысловом отношении типа: рус. *баклан*₀ 'большая водоплавающая птица с черным оперением, короткими крыльями и длинным черным хвостом' [МАС I, 56] и укр. *баклан*₀ 'водоплавний птах середньої величини звичайно чорного кольору (з металічним відблиском)' [СУМ I, 92]. Вряд ли подсчет формальных сем в подобных соответствиях и подстановка их в формулу поможет выяснить действительную степень эквивалентности этих максимально эквивалентных слов. Скорее, наоборот — математика здесь все испортит. И виной тому будет, конечно же, не математика, и даже не лексикография, хотя она должна стремиться к определенной унификации, а сложная природа семантики слова, бинарность её стратификации, проявляющаяся, в частности, в семантической открытости и специфичности смыслового содержания. Поэтому оставим в стороне математические формулы, которые в отдельных случаях, безусловно, бывают очень удобным средством для проверки семантической эквивалентности, но в целом оказываются малопригодными хотя бы потому, что традиционные толковые словари, составленные «ручным» способом и по традиционным принципам, не приспособлены для такого рода математической обработки. Другое дело — электронные словари, создающиеся при помощи компьютерных программ. Для работы с традиционными словарями наиболее оправданными будут и испытанные методы при определении эквивалентности слов: попарное сопоставление, лингвистический эксперимент (например, синонимические замены), собственная языковая интуиция и т. д.

Само понятие эквивалентности следует отнести к одному из трех возможных типов лексико-семантических соответствий, а именно к такому, который характеризуется совпадением лексических значений, или обозначаемых словесных знаков. С точки зрения семасиологической этот тип отношений для собственно контрастивной лексикологии интереса не представляет и на этом основании должен быть выведен за её пределы. Но очень часто идентичные с точки зрения семантики

слова сопоставляемых языков оказываются различными в ономаσιологическом плане, в частности в способах номинации (например, различия во внутренней форме типа рус. *преступник* — укр. *злочинець*, рус. *свадьба* — укр. *весілля*, рус. *город* — укр. *місто* и т. п.). В подобных случаях и семантически эквивалентные соответствия становятся предметом изучения сопоставительной лексикологии, в частности, её ономаσιологического аспекта, который, как это будет показано, может иметь достаточно разветвленную сеть параметров сопоставления.

Два других типа соответствий представляют собой частичное совпадение и несовпадение означаемых, что можно выразить соотношениями $A \approx B$ и $A \neq B$. Соотношение $A \approx B$, в свою очередь, имеет две основные разновидности в зависимости от того, на чем основывается частичное совпадение лексических значений сопоставляемых слов: на включении (когда $A \supset B$ или $A \subset B$) или на пересечении ($A \cap B$).

Все три типа соответствий лексических значений в сопоставляемых языках графически можно представить так:

4.2. Отношение включения

Отношение включения означает, что в значении слова одного языка имеется больше сем, чем в значении слова-соответствия другого языка, т. е. в семный состав значения слова языка A входит все значение слова языка B плюс какие-то семы

(сема) или наоборот. Например, укр. *калатало* включает в свое значение семный состав рус. *колотушка*₂ ‘деревянное приспособление, которым стучит ночной сторож при обходе участка’ [МАС II, 77] плюс другие семы, указывающие на другой денотат: ‘дерев’яний прилад... який прив’язують на шию тваринам’; укр. *згарище*₂ ‘випалене або вигоріле місце в лісі’ = рус. *гарь*₄ ‘выгоревшее или выжженное место в лесу’ [МАС I, 301] + ‘це ж місце, поросле травою та іншою рослиною’ [СУМ III, 509]; рус. *вишеник* ‘сад из вишневых деревьев’ = укр. *вишник* ‘садок з вишневих дерев’ [СУМ I, 543] + ‘заросли вишни’ [МАС I, 79]; рус. *попона* ‘покрывало для лошадей, собак и др., закрывающее спину и туловище’ = укр. *попона* + ‘використовується також для покривання возів, саней і ін.’ и т. п.

Отношение включения, по мнению семасиологов, является очень важным показателем в сопоставительной семасиологии. К этому параметру сводятся, например, два из девяти критериев отличия языков друг от друга с точки зрения семантики, выделенных Ч. Филлмором; см.: [181а, 34—37]. Отношение включения является показателем того, что в одном языке тот или иной предмет не имеет специального наименования, т. е. определенное понятие, существующее в сознании носителей языка в виде комплекса семантических признаков, не закреплено отдельным словесным знаком, и для выражения данного понятия используется наименование большего класса предметов, в то время как в другом языке соответствующее явление выделяется отдельной семемой. Наиболее яркие примеры различий по данному признаку обнаруживаются в языках, которые имеют бóльшую родственную отдаленность. Так, в большинстве европейских языков для дифференциации наименований рогового покрова на концах пальцев у человека и рогового покрова на конечностях животных и птиц существуют отдельные слова типа рус. *ноготь* — *коготь*, укр. *ніготь* — *кіготь*. англ. *nail* — *claw* и т. п., но такой дифференциации нет, например, в литовском языке, где используется наименование более обобщенного класса —

рогового покрова у человека, у животных и птиц: *nagas* [57, 163]. Ср. также нем. *waschen* и англ. (to) *wash*, которые покрывают семантику рус. *стирать, мыть*.

Для обозначения членов отношения включения общепринято употребление терминов гипонима и гиперонима. Гиперонимия — это, как известно, недифференцированность значений одного языка по отношению к другому языку, где эти значения дифференцируются (гипонимия). Гиперо-гипонимические различия встречаются в разных языках и распространяются на широкие тематические пласты лексики. Ср. англ. *coat*, которому в русском и других языках могут соответствовать разные виды верхней одежды: *пальто, плащ, шуба, дубленка, пиджак, мундир, китель* и др. Подобное «неразличение» видов одежды содержит и фин. *pusero* — *блузка, рубашка, сорочка, кофта, батник*. Ср. также англ. *boat* — *лодка и пароход, desk* — *парта и письменный стол, gun* — *пушка и ружьё, floor* — *пол и этаж; фр. verre* — *стакан и рюмка; нем. Knochen* ‘кость животных’, *Gräte* ‘кость рыбы’ — рус. *кость*, англ. *bone*; нем. *Wald*, англ. *forest, wood* ‘растущий лес’, нем. *Holz*, англ. *timber* ‘лесоматериалы’ — рус. *лес* и т. п.

Преобладание гипонимии или гиперонимии — существенный признак лексической системы языка. Традиционно гипонимия и гиперонимия рассматриваются как показатели большей конкретности или абстрактности языка. По этому поводу имеется много наблюдений. Общепризнанным является мнение о большей абстрактности французского языка по отношению к немецкому, английскому, русскому [48]. Д. Колларом отмечается большая конкретность русской лексики по сравнению со словацкой [218]. Указывается на более общее значение у английских слов по сравнению с чешскими [216, 202] и по сравнению с русскими, в частности в области глагольной лексики; см.: [146, 50]. Степень конкретности/абстрактности лексики может меняться в результате развития словарного состава языка. В.Г. Гак, сопоставляя древнерусские тексты с их переводами на современный русский язык, заме-

чает, что в древнерусском чаще использовались гиперонимы там, где теперь выступают гипонимы; по его мнению, конкретизация русской лексики — явление позднее [49, 40]. Но это, так сказать, глобальный аспект явления.

Отношение включения позволяет выявить более тонкие особенности сопоставляемых слов в семантико-стилистическом и коннотативно-прагматическом планах. Ср. различия между рус. *горло* и *глотка*, которым в английском и французском языках соответствует одно наименование, соответственно: *throat* и *gorge*. Если речь идет об абстрактной лексике, то здесь можно увидеть значительные для национальных культур особенности дифференциации концептов. Например, англ. *truth* и фр. *vérité* соответствуют одновременно двум русским словам *правда* и *истина*. Но разграничение этих понятий является принципиальным в концептосфере именно русской духовной культуры. В плане семантики *истина* относится к модальности *de re*, указывая на верное отражение объекта, а *правда* — к модальности *de dicto*, показывая соответствие сказанного действительности. Эти различия реализуются в употреблении: *изрекать истину*, но *говорить правду*; *истинный друг*, *правдивая* (не истинная) *ложь* [52, 44]. Попутно заметим, что учет отношений включения между значениями сопоставляемых слов оказывается весьма существенным при переводе и в особенности художественном, так как другие виды перевода чаще всего допускают дословные описательные способы передачи значений, которые отсутствуют в том или ином языке. Сошлемся лишь на один пример.

Рус. *злоумышленник*_{устар.} ‘человек, совершивший преступление с заранее обдуманном намерением’ [МАС I, 614] является гипонимом по отношению к рус. *преступник* и соответственно укр. *злочинець* ‘особа, що вчинила злочин’ [СУМ III, 605]. Известный рассказ А.П. Чехова называется «Злоумышленник», и наиболее подходящим соответствием для его перевода на украинский язык следовало бы считать слово *зловмисник* ‘той, хто має злий намір, хто задумав учинити або вчинив

який-небудь злочин' [СУМ III, 599]. В некоторых других языках такого аналога, кстати сказать, нет. Ср. англ.: *criminal*. Однако в одном из переводов этого произведения использован гипероним *злочинець*, который, как это видно из толкований значений, не включает в свой состав дифференциальные по отношению к *преступник* — *злочинець* семы 'заранее обдуманное намерение', 'той, хто має злий намір'. Но именно эти семантические признаки являются эстетически существенными в словесной ткани чеховского рассказа, который не случайно озаглавлен «Злоумышленник». В семантическом преобразовании этого слова обнаруживается основная эстетическая закономерность данного произведения: напрасное обвинение персонажа в заранее обдуманном намерении преступления, которое он совершил поневоле. В рассказе выявляется целая система языковых элементов, так или иначе эксплицирующих смысл заглавия рассказа и передающих реальную степень осознанности персонажем совершенного им преступления. Показательно в этом смысле и замечание самого Чехова, высказанное Горькому по поводу рассказа: «Если бы я был судьей, — серьезно сказал Антон Павлович, — я бы оправдал Дениса... Я сказал бы ему: «Ты, Денис, еще не созрел до типа сознательного преступника, ступай — дозрей!» [55, 423].

4.3. Отношение пересечения

Отношение пересечения ($A \cap B$) наблюдается в тех случаях, когда значения как бы накладываются одно на другое, но у каждого из них остается и не наложенная часть. Для соотношения пересечения можно использовать термин гетеронимия, стоящий в одном ряду с гиперонимией и гипонимией; см.: [213, 215]. Этот тип отношений объединяет такие пары лексико-семантических соответствий сопоставляемых языков, которые обозначают немного разные, но очень похожие по своей природе и функциям денотаты и представления о них.

Ср., например, рус. *налобник* 'старинный женский головной убор в виде нарядной, с украшениями, повязки, надевавшейся на лоб, а также ремешок для поддержания волос во время работы' [МАС II, 368] и укр. *налобник* 'металеве покриття, яке захищало лоб воїна від ушкодження; начільник' [СУМ V, 121]; *аксамит* 'вид старинного плотного узорного бархата' [МАС I, 29] и укр. *оксамит* 'тканина з густим коротким ворсом з натурального шовку або штучного волокна' [СУМ V, 683] и т. п.

Межъязыковая гетеронимия в зависимости от объема пересекающихся сем сопоставляемых значений имеет разную степень. Приведенные гетеронимы рус. *аксамит* и укр. *оксамит* имеют, как это видно из дефиниций, бóльшую площадь семантического совпадения, чем слова *налобник* в русском и украинском языках. В отдельных случаях границы семантического пересечения сопоставляемых слов оказываются настолько незначительными или стертymi, что приближает такие слова к межъязыковой омонимии. Ср., например, такую пару слов, как рус. *забияка* 'тот, кто затевает ссоры, драки; задира' [МАС I, 51] и укр. *забіяка*_{2 заст.} 'убивця, розбійник' [СУМ III, 23].

Пересечение (наложение) лексических значений не относится к широко распространенному явлению при межъязыковых сопоставлениях, но с точки зрения контрастивного анализа представляет благодатный и весьма интересный материал. В особенности это относится к тем словам, которые «выросли» из одних архетипных концептов, но со временем изменили свою семантику, сохранив при этом ядерные семы концептуального прототипа. Так, если обратиться к славянским лексемам с корнем *-пах-* (< и.-е. *рѣс*), который связывает микросистему со значением '*запах*', то обнаружим, что на фоне, например, рус., укр. *запах*, белорус. *пах*, пол. *zapach*, обозначающих, так сказать, нейтральное обонятельное ощущение, «запах вообще», чешский и словацкий соответствия *zapach* обозначает '*неприятный запах, смрад*'. Ту же семантику имеют и их про-

изводные: чеш. *račnouti*, словац. *račniti* — ‘вонять’. Подобное явление можно определить как *межъязыковую антонимию*, являющуюся частным проявлением межъязыковой омонимии. Славянские лексемы со значением ‘запах’ подтверждают это. Рус. *вонять*, укр. *воняти*, белорус. *ванець*, болг. *воня* (<*vonja ‘запах’) связывается с издаванием *неприятного запаха*. А вот другие однокоренные славянские параллели, наоборот, обозначают нейтральный или даже ароматный запах, которые имеют чеш. *voně* ‘запах, аромат’, словац. *vöňa*, пол. *woń*. Это же значение было и у др. рус. *вонь*, которое сохранилось, например в архаизме *благовоние* [ЕСУМ I, 425].

В результате семантической модуляции праславянского концепта, который связан с корнем *хутръ, в современных славянских языках имеем два ряда производных с противоположными, хотя и взаимопересекающимися, семантическими характеристиками. Ср., с одной стороны: рус. *хитрый*, укр. *хитрий* ‘действующий обманными путями, лукавый, изворотливый’ с отрицательной оценкой и, с другой стороны, болг. *хитър* ‘умный’, серб.-хорв. *хитар*, *хитра*, ‘быстрый, опытный, ловкий, то же — чеш., словац. *chytry*, словен. *hiter* и нек. др. Если отвлечься от этимологических тонкостей (по поводу этого корня нет единого мнения), то можно, очевидно, говорить о том, что причиной семантических расхождений этих славянских коррелятов явилась разная оценка такого человеческого качества, как ‘*проворность*’, поскольку это действительно показатель ловкости, быстроты и ума, но при достижении разных целей это качество, получает неодинаковую характеристику. Так на каждом шагу происходит в жизни. Так на это реагирует и язык, в котором человек отражает и выражает свое поведение и самого себя.

Отношение перечисления может, как мы убедились, затрагивать тонкий коннотативно-прагматический уровень слов. И не всегда здесь участвует лексическая семантика. Иногда достаточно сопоставить стилистические особенности. Например, пол. *kawáler* ‘неженатый мужчина, холостяк’ и рус. *ка-*

валер в принципе совпадают по значениям. Устаревшее значение рус. *кавалер* 'мужчина, танцующий в паре с дамой' во внимание можно не принимать. Но, в отличие от стилистически нейтрального польского, русское слово воспринимается под другим углом, поскольку содержит легкий привкус иронии, едва заметную насмешку над ухажером-кавалером, который разными способами завоевывает сердце своей дамы.

Хорошей иллюстрацией межъязыкового пересечения значений слов являются интересные и весьма проницательные наблюдения А. Вежбицкой о способах представления абстрактных концептов в разных языках. Среди них и понятие *mind* 'сознание, ум, разум', о чем мы уже упоминали. Отмечая, что это понятие укоренилось в психологии, философии и каждомдневном дискурсе англоязычного мира, А. Вежбицкая считает, что *mind*, в отличие от *person* или *I*, — весьма специфический продукт английского языка, не имеющий эквивалентов в других языках мира [33, 384]. Фр. *esprit* и нем. *Geist* переводят с английского как *mind* и *spirit*, поэтому точными эквивалентами их считать нельзя. Рус. *ум* соответствует скорее слову *reason*, чем *mind*. Не полемизируя с этим, заметим, что рус. *сознание*, в свою очередь, также обладает своей уникальностью хотя бы в плане особенностей словообразовательной мотивации: приставка *со-* указывает и на степень глубины *осо+знания*, и одновременно на совместность, коллективность *со+знания* (по-другому, «коллективного знания или разума»).

Вернемся, однако, к А. Вежбицкой и её доказательствам того, что понятие *mind* не является универсальным, а отражает этническую модель европейской личности, которая рассматривает каждую личность как состоящую из материального компонента — тела (*body*) и «интеллектуального» — *mind*, т. е. в духе «картезианского дуализма», а также сосредоточенности на мысли (*thinking*) и знании (*knowing*), находящимися вне сферы чувства, духа или бессознательного. Это объясняет тот факт, что общепринятая практика описывать психологию различных этносов сквозь призму понятия *mind* оказывается,

по её мнению, безуспешной. «Так, например, — продолжает А. Вежбицкая, — когда Пэриш (Parish) впервые представил центральное понятие неварской этнической психологии — *nuga*: — как «священный разум», то этот первый шаг оказался... весьма эффективным средством привлечь внимание читателей к фундаментальному отличию неварской этнической психологии от англоязычной — отличию, сконцентрированному в данных двух понятиях (*mind* и *nuga*). Когда же Пэриш в самом тексте работы продолжает употреблять слово *mind* ‘сознание’ равно как и *heart* ‘сердце’, явно имея в виду *nuga*:, то такое употребление явно привносит сюда излишне англоцентрический ракурс... Поскольку *nuga*: есть не только «местопребывание познания, памяти и восприятия», но и «местоположение эмоционального опыта»... Ясно, что данное ключевое понятие представляет «личность» в ракурсе, весьма отличном от даваемых английским словом *mind* и англоязычной противоположностью «сознания» и «тела» (на самом деле понятие *nuga*: оказывается гораздо ближе русскому «душа», чем английскому *mind*, хотя его нельзя отождествлять ни с тем, ни с другим» [33, 386—387].

Столь детальное цитирование фрагмента работы А. Вежбицкой оправдано возможностью выйти за рамки собственно лингвистики и ещё раз показать, что языковая концептуализация понятий — результат сложного переплетения разных сторон того, что называют этнической ментальностью. И какими бы близкими ни казались концепты, а значит и их лингвистические двойники (слова), *разных* культур, они, скорее всего, будут в отношении *пересечения*, но вряд ли полного совпадения, в особенности если это ключевые понятия, такие как *mind/сознание*, *heart, soil/сердце*, *душа*, *guilt/вина*, *happiness/счастье* и многие другие. Это не означает, что слова, обозначающие подобные концепты, нельзя адекватно перевести на другие языки. Перевести можно: универсальность сем и их комбинаций позволяет моделировать любые значения. Понять, по-настоящему *осознать* и оценить тот или иной кон-

цепт *другой* культуры — задача самая сложная и, по-видимому, редко выполняемая. Достичь этого могут только люди которые в силу разных причин полностью погружаются в чужеземную концептосферу, знают и воспринимают её как свою собственную.

Итак, подобно тому, как разные языки находятся друг по отношению к другу в отношении тождества различий, так и отдельные, даже в целом совпадающие в своих значениях лексико-семантические соответствия являются взаимозэквивалентными только условно и в каком-либо одном лингвистическом измерении. Степень эквивалентности двух сопоставляемых и в принципе совпадающих по своим значениям слов определяется степенью их смысловых различий: наиболее эквивалентными (или, как принято называть терминологически, взаимозэквивалентными) являются такие значения сопоставляемых слов, которые имеют минимальные различия в смысловых структурах этих слов. Крайними границами, определяющими семантическое расстояние между лексическими единицами разных языков, являются, как было сказано вначале, отношения полного совпадения, эквивалентности (с учетом оговоренной условности терминологии) и полного несовпадения (исключения), или, как принято называть, безэквивалентности.

4.4. Безэквивалентность

К данному типу относятся слова, семантика которых соотносится с обозначением специфических для определенной культуры реалий. И реалии, и слова, их обозначающие, являются уникальными, единственными в своем роде, поэтому их в принципе не с чем сопоставлять или сравнивать.

О словах данной группы написано немало, главным образом специалистами в области перевода; обзор см. в: [41, 44—55]. Чаще всего для обозначения специфических иноязычных слов используются термины «безэквивалентная лексика» и

«экзотическая лексика», или «экзотизмы», и, наряду с ними, нередко в том же или близком значении — «варваризмы», «локализмы», «этнографизмы», «этнолексемы», «этнокультурная лексика», «страноведческая лексика», «алиенизмы», «фоновые слова», «слова с культурным компонентом», «пробелы» и др. В переводоведении и лингвострановедении отдельные из этих терминов разграничивают (например, «фоновые слова» и «слова с нулевым эквивалентом» и т. п.). Большинство этих понятий можно считать соотносительными, поскольку их роднит национальная, историческая, местная окраска и главное — отсутствие соответствий, т. е. *безэквивалентность* по отношению к сопоставляемому языку. И сам термин «безэквивалентная лексика» чаще других встречается в специальной литературе (в работах Г.В. Чернова, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, А.А. Бражной, Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, В.Н. Крупнова и др.); этот термин вполне приемлем, и в дальнейшем под эквивалентной лексикой будем понимать слова, отсутствующие в другой языковой культуре, или просто слова, не имеющие эквивалентов в другом языке¹.

О безэквивалентной лексике какого-либо языка обычно говорят только по отношению данного языка к какому-либо другому или другим языкам, где нет подобных лексических соответствий. То, что в одном языке является безэквивалентным по отношению к другому языку, может существовать в каком-нибудь третьем языке. Например, русские слова *квас*, *кириллица* безэквивалентны по отношению к английскому или французскому языкам, но не по отношению к украинскому, белорусскому, болгарскому и нек. др.

Русская безэквивалентная лексика хорошо изучена по отношению к западноевропейским языкам. Специальных работ,

---

¹ Ср. у Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова: «...Слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются *безэквивалентными*. Такие слова в строгом смысле непереводаемы» [34, 56].

посвященных исследованию безэквивалентных слов в близкородственных языках, пока очень мало, хотя, безусловно, это очень интересная и перспективная область, которая может открыть через язык богатейшие особенности национальных культур близких народов, обнаружить неизвестные этнические факты и т. д.

При отборе этой части слов по словарям нередко сталкиваешься с мнимыми случаями безэквивалентности. Имеются в виду слова, которые отсутствуют в словарях сопоставляемых языков, но которые явно не относятся к безэквивалентным, так как их лексические значения никак не соотносятся с какими-либо специфическими реалиями. В основном это касается специальной лексики, которая находит отражение в соответствующих словарях и только выборочно включается в толковые словари. Ср. рус.: *вариометр*, 'название некоторых приборов, служащих для измерения и показания изменений в действии каких-либо сил, в процессах и т. п.' [МАС I, 138], *блиц* 'лампа для мгновенной сильной вспышки при фотографировании' [МАС I, 99]; и укр.: *прогонка* 'інструмент для нарізання гвинтів' [СУМ VIII, 155], *сабур* 'згущений сік листа алоє, який у висушеному вигляді використовується як ліки' [СУМ IX, 11] и т. п.

Приведенные примеры говорят о том, что к безэквивалентной лексике следует подходить с особой осторожностью, не всегда доверяться «поверхности» словарей и учитывать реальную национальную специфику тех или иных отсутствующих в словарях других языков слов.

Большая часть безэквивалентной лексики — это, как известно, имена существительные, обозначающие конкретные предметы. Здесь можно выделить разные рубрики наименований, относящихся к обозначениям предметов материальной и духовной культуры национальных социумов¹.

Это: 1) *наименования предметов домашнего обихода*: рус. *вдежка*₂, 'вдевальная игла, а также шнур, который продерги-

¹ О классификациях безэквивалентной лексики см. в: [41, 60—72; 34, 60—65; 42; 57, 171—174].

вається' [МАС I, 143]; *волосяник* 'тюфяк из волоса' [МАС I, 206]; *жирник* 'светильник, в котором горит жир или масло' [МАС I, 486]; укр. *солом'яник*, 'матрац, набитий соломною' [СУМ IX, 450]; *пурка* 'спеціальні терези для визначення ваги певного об'єму зерна' [СУМ VIII, 391], *скісок* 'сточена коса; шматок гостро відточеної коси, який використовують замість ножа, бритви і т. ін.' [СУМ IX, 27]; *плахта*₃ 'покривало або килим з картатої декоративної тканини' [СУМ VI, 571]; 2) **названия одежды:** рус. *косоворотка* 'мужская рубашка со стоячим воротом, застегивающимся сбоку' [МАС II, 112]; *сарафан* 'русская народная одежда в виде длинного свободного платья без рукавов' [МАС IV, 29]; *кацавейка* 'русская женская народная одежда, род распашной верхней кофты на вате, меху или подкладке' [МАС II, 42]; *кафтан* 'русская мужская долгополая верхняя одежда' [МАС II, 41]; укр. *кунтуш* 'верхній розпашний чоловічий і жіночий одяг заможнього українського і польського населення' [СУМ IV, 700]; *кептар* 'у гуцулів — верхній хутряний одяг без рукавів' [СУМ IV, 141]; *плахта*₁ 'жіночий одяг типу спідниця, зроблений із двох зшитих до половини полотнищ переважно вовняної картатої тканини' [СУМ VI, 571]; *станик* 'верхня частина сукні від плечей до пояса' [СУМ IX, 645]; *скиндячка*_{розм.} 'стрічка, якою пов'язують голову' [СУМ IX, 265]; *кісник* 'стрічка для вплітання в косу' [СУМ IV, 625]; 3) **названия кулинарных изделий, напитков:** рус. *бешамель* 'густой соус из яиц, молока, муки' [МАС I, 88]; *ботвинья* 'холодное кушанье из кваса с отварной ботвой свеклы, луком, рыбой' [МАС I, 110]; *щи* 'жидкое кушанье из рубленой капусты, а также из щавеля, шпината и т. п.' [МАС IV, 743]; *медовуха* 'хмельной напиток из меда' [МАС II, 244]; *калач* 'пшеничный хлеб в виде замка с дужкой' [МАС II, 20]; укр. *балабуха* 'невелика булочка' [СУМ I, 93]; *бануш* 'кулеша на сметані' [СУМ I, 102]; *бевка* 'рідка страва з борошна або крупів, бовтанка' [СУМ I, 118]; *затірка* 'страва, зварена на воді або молоці з розтертого в дрібні кульки борошна з водою' [СУМ III, 352]; *перепічка* 'поколотий ножом корж, що робиться із кислого хлібного тіста

і печеться на сковороді, намащеній маслом або салом' [СУМ VI, 251]; *галушка* 'різаний або рваний шматок прісного тіста, зварений на воді або на молоці' [СУМ II, 22]; *будз* 'свіжий овечий сир' [СУМ I, 147]; *рябко* 'каша з пшона й розтертого в дрібні кульки борошна' [СУМ VII, 921]; 4) **название простейших орудий труда:** рус. *сечка* 'широкий полукруглый нож на отвесной ручке для рубки капусты' [МАС IV, 86]; *горбуша* 'сельскохозяйственное орудие — небольшая коса с короткой ручкой и изогнутым лезвием' [МАС I, 332]; укр. *сукуватка*^{заст.} 'борона з сукуватої ялини' [СУМ IX, 832]; *канівка* 'маленька кирка або молоток для обтісування каменю' [СУМ IV, 88]; 5) **названия участков земной поверхности, обрабатываемых территорий:** рус. *косяк*₂ 'косой участок, клин земли' [МАС II, 115]; *залог*₃ 'заброшенная, давно не паханная земля' [МАС I, 539]; *моква*₂ 'низина, залита водою' [СУМ IV, 315]; *полонина* 'безліса ділянка верхнього поясу Українських Карпат, яка використовується для пасовиська та сінокоосу' [СУМ VII, 94]; 7) **названия строений и их частей:** рус. *изба, терем, полотенце* 'резное украшение продолговатой формы у деревянной избы' [МАС II, 269]; укр. *хата, стріха, запічок*₁ 'місце на печі або за піччю' [СУМ III, 261]; 7) **названия музыкальных инструментов:** рус. *балалайка, гусли*; укр. *бандура, трембіта* 'гуцульський народний духовий музичний інструмент у вигляді довгої дерев'яної труби без вентилів і клапанів' [СУМ X, 242]; 8) **наименования исторических реалий,** которые, в свою очередь, также делятся на обозначения: а) **одежды** — рус. *архалук* 'в старину: род короткого кафтана' [МАС I, 47]; *опашень* 'в старину: долгополый кафтан с короткими широкими рукавами' [МАС II, 850]; *охабень* 'старинная русская широкая верхняя одежда в виде кафтана с четырехугольным отложным воротником и длинными прямыми, часто откидными рукавами' [МАС II, 727]; *бармы* 'часть парадной одежды московских царей и князей в виде широкого оплечья с нашитыми на него изображениями и драгоценными камнями' [МАС I, 62]; укр. *жупан*₁ 'старовинний верхній чоловічий одяг, оздобнений ху-

тром та позументом, що був поширений серед заможного козацтва та польської шляхти' [СУМ II, 547]; *кибалка* 'старовинний жіночий головний убір, що має форму півмісяця' [СУМ IV, 416]; б) *домашней утвари* — рус. *ендова*, 'старинная русская посуда для вина в виде большой широкой чаши с носком или рыльцем' [МАС I, 466]; *братина* 'старинный большой шаровидный сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья вкруговую; большая общая чаша для питья и еды' [МАС I, 112]; в) *лиц* — рус. *рында*_{ист.} 'почетное звание оруженосца и телохранителя московских царей' [МАС III, 745]; *холоп*, 'в древней Руси: лицо, находившееся в зависимости по форме, близкой к рабству', // 'подданный государя, находившийся от него в полной зависимости, беспрекословно повинующийся ему' [МАС IV, 612]; *подьячий*, 'писец и делопроизводитель приказной канцелярии в Русском государстве XVI — начала XVIII в.' [МАС III, 232]; *боярин* 'высшее (вначале жалованное, а позднее наследственное) звание в Московской Руси, а также лицо, носившее это звание' [МАС I, 110]; *опричник* 'служилый дворянин, состоявший в рядах опричнины' [МАС II, 630; укр. *посполитий*_{ист.} — 'на Україні до народно-визвольної війни 1648—1654 рр. та в перші роки після неї — належний до міщан або до селянства, згодом, у другій половині XVII — XVIII ст. — належний до селян' [СУМ VII, 358]; *гетьман*, 'в XVI ст. — виборний ватажок козацького війська Запорізької Січі, з XVII ст. до 1764 р. — начальник козацького війська та верховний правитель України' [СУМ II, 58]; *війт* 'керівник місцевого (міського чи сільського) управління або самоврядування в середньовічній Німеччині, Литовському князівстві, Польщі та на Україні (в XV — XVII ст.), // у Західній Україні (до 1939 р.) ... — голова волосної управи, // заст. сільський староста' [СУМ I, 670]; г) *оружия и воинских доспехов* — рус. *пицаль* 'старинная пушка или тяжелое ружье, заряжаемые со ствола' [МАС III, 129]; *бердыш* 'старинное холодное оружие — боевой топор с лезвием в виде вытянутого полумесяца, насаженный на длинное древко'

[МАС I, 79]; укр. *карабеля*_{заст.} — ‘крива шабля’ [СУМ IV, 99]; *гаківниця* ‘довга і важка рушниця’ [СУМ II, 18]; д) *єдиниц меры денег* — рус. *сороковка*_{устар.} ‘русская мера жидкостей, равная $\frac{1}{40}$ ведра (0,31 л.), // бутылка такой вместимости для разлива водки’ [МАС IV, 203]; *пятерик* ‘старая русская мера или предмет, содержащие пять каких-нибудь единиц, например, пачка в пять стеариновых свечей весом в один фунт’ [МАС III, 512]; *линия*₁₀ ‘русская мера длины, равная $\frac{1}{10}$ (еще раньше $\frac{1}{12}$ дюйма, применявшаяся до введения метрической системы)’ [МАС II, 185]; *аршин* ‘русская мера длины, равная 0,71 м.’ [МАС I, 65]; *куль*₂ ‘старая торговая мера сыпучих тел (около 9 пудов)’ [МАС II, 148]; укр. *клітка*_{4 заст.} — ‘народна міра землі приблизно від 4 до 10 гектарів (залежно від місцевості)’ [СУМ IV, 186]; *копа*₂ ‘одиниця лічби, що дорівнює 60 (снопів, яєць і т. ін.); *крючок*_{заст.} ‘міра горілки — приблизно 0,325 літра’ [СУМ IV, 379]; *мажа*₁₁₁ ‘міра ваги або об’єму, що дорівнює місткості одного чумацького воза’ [СУМ IV, 593] и др. Вполне понятно, наименования русских исторических реалий нередко трудно однозначно включать в безэквивалентную лексику по отношению к украинской национальной языковой культуре, которая формировалась, хотя и самостоятельно, но в тесном взаимодействии с русской национальной культурой, а многие так называемые русские реалии старины были общими для русского и украинского народов.

Необходимым также представляется и создание специальных словарей безэквивалентной лексики национальных языков, которые были бы очень полезны прежде всего в познавательных целях: для народоведения, этнолингвистики и т. д.

В связи с безэквивалентной лексикой возникает вопрос о способах её передачи в другом языке. Хотя для близкородственных языков трудности перевода этих слов не так велики, как для языков неродственных, но и здесь не всегда можно использовать прямой и наиболее распространенный путь — транскрибирование: рус. *кокошник* — укр. *кокошник*, рус. *косооборотка* — укр. *косооборотка*; укр. *трембіта* — рус. *тремби-*

та, укр. *полонина* — рус. *полонина*. Благодаря такому способу передачи безэквивалентной лексики происходит взаимное обогащение языков, что наиболее ярко проявляется в художественной литературе, в переводах художественных произведений. Транскрибирование слов-реалий другого языка служит также своеобразным стилистическим приемом, при помощи которого воссоздается национальный колорит художественного произведения. Ср.: «Над *хатами* вляглися останні парубочі пісні» (М. Стельмах. Над Черемошем) — «Над *хатами* отзвучали последние молодежные песни»; ср. также фрагмент из романа О. Гончара «Тронка», где сохранена украинская лексика чабанов в русском переводе: «Отец стоит, опираясь на свою *черлыгу* с медным, украшенным резьбой набалдашником — *брейцарой*... — не забыл, — ставит он перед сыном свою *черлыгу*, наконечник которой хранит изображение с детства знакомой сыну кудлатой чабанской овчарки. — Из каких частей состоит *черлыга*, ну? — *Брак, барнака, брейцара* и *держак*, — четко отвечает сын, и этим ему уже обеспечена симпатия старика на все время отпуска».

Такой способ введения лексических украинизмов в тексты русских художественных произведений восходит к традициям Г.Ф. Квитки-Основьяненко, Т.Г. Шевченко, Н.В. Гоголя, которые придерживались «точности наименования той или иной реалии в обозначении определенных черт национального характера, в создании колорита обстановки действия. Ср., например: «Вскоре за ним вышла и жена его Марта... в желтых юхтовых сапогах, в *плахте*»; «В возу сидели две женщины в белых *свитках*... Рядом с волами шел высокого росту мужчина в черной *кирее*...» [Т. Шевченко] и т. п. Исследователи выделяют целые группы украинской лексики, которые способом прямого транскрибирования или транслитерации передаются в русских произведениях Т.Г. Шевченко и других классиков литературы. В основном это уже перечисленные выше лексико-семантические и тематические группы, называющие предметы социальной и бытовой жизни [186, 143—145].

Однако нередко с целью создания национального колорита в переводе оставляются в транслитерированном виде слова, не относящиеся к безэквивалентной лексике, — так называемые *лжереалии*. Ср.: «А від *тата* тільки й чула: О, Ванько — золотий характер!..» // «А от *тата* только и слышу: О, Ванько — золотой характер!..» (О. Гончар); «Чого тобі, *дівчино?*» // «Чего тебе, *дівчина?*» (М. Стельмах) и т. п. Подобные случаи М.Т. Рильский считал ненужной украинизацией русских текстов, когда в них появляются ничем не оправданные украинизмы — «дівчина», что вполне адекватно передается русским «девушка», «батько» вместо «отец» и т. д. [145, 59].

Когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна, перевод безэквивалентных слов осуществляется путем приблизительной, как правило, родо-видовой замены (типа укр. *закуток*_{з перен.} ‘місцевість, віддалена від великого адміністративного і культурного центру’ [СУМ III, 177] — рус. *глушь, глухомань*), а также путем обычного пояснения в скобках или сносках, например: У закарпатцев отличная кухня... Надолго запоминается посещение экзотических *колыб* (хижин), стены которых увешаны звериными шкурами...» (Из газеты).

Классическим примером объяснения слов-реалий другого языка «похожими» реалиями своего родного является рассказ Л. Толстого «Казачья», описывающий особенности казачьего быта глазами русского человека: «Оленин надевал... *разлюченную обувь*, называемую *поршнями*...»; «...взяв *чапуру* (деревянную чашку, вмещавшую в себя стаканов восемь), налил вина и выпил почти всю»; «Красивая голова Марьяны, повязанная *красным платком* (называемым *сорочкой*)...» и т. п.

Однако никакой перевод или объяснение не в состоянии полноценно заменить слово-реалию другого языка. Поэтому едва ли *пирог*, характерную русскую реалию, можно считать удачным эквивалентом не менее характерного англ. *pie*. Ещё менее удачен, в частности в Большом англо-русском словаре, перевод слова *panake* рус. *блин*, которое слишком тесно связа-

но с русским колоритом. То же касается и *лапты* в качестве эквивалента англ. *bat* [41, 209]. Идеальным способом передачи слов-реалий средствами другого языка были и остаются разные виды калек типа: англ.: *skyscraper* — рус. *небоскреб* — укр. *хмарочос* — болг. *небостъргач* — нем. *Wolkenkratzer*, фр. *gratte-ciel* («туческреб») или просто транслитерации (*кэб, миксер, самбо, люля-кебаб, манты, лаваш* и т. п.).

Говоря о безэквивалентных словах, следует иметь в виду, что не всегда они связаны с обозначением национально-специфических реалий. Скажем, такие понятия, как ‘срезанная ветка’ (укр. *різка*) или ‘левая рука’ (укр. *лівиця*), безусловно, не являются специфическими не только по отношению к украинскому и русскому, но и по отношению к другим языкам. Ср. также: рус. *блюдце* и болг. *чинийка за под чаша, бокал и голяма чаша за вино, ванная и баня с вана, вареники и плетени ръкавици*; рус. *простокваша* — укр. *кисле молоко*, серб.-хорв. *кисело млеко*, пол. *zsiadle (kwasne) mleko*, чеш. *kysele mleko*; рус. *обои* — англ. *wall paper*, фр. *papier peint* и т. д.

Иначе говоря, следует разграничивать собственно безэквивалентную лексику, которая охватывает специфические для определенной культуры реалии, и разные способы передачи (ономасиологический аспект) общих для разных языков концептов. В данном случае речь идет о закономерностях *анализма* и *синтетизма* лексической номинации. Не разделяя мнения о целесообразности подобной классификации, отметим, что славянские, как, впрочем, и другие языки, различаются степенью представленности однословных и составных наименований. Так, например, исследователи прослеживают преобладание аналитического способа наименований различных предприятий в русском, украинском, белорусском, македонском и в несколько меньшей степени — болгарском языках (ср.: рус. *бумагопрядильня, дубильня, пекарня, прачечная*, укр. *миловарня, ткальня, цукроварня, дьогтярня*, белорус. *півварня, паперня, вінакурня, цукроварня*, макед. *барутница* ‘пороховой завод’, *коксарница* ‘коксохимический завод’, *цигларница*, болг.

стоманолеярна ‘сталеплавильный завод’, *супунджайница* ‘мыловаренная фабрика’, *пиварница* и под.); тяготение к однословным наименованиям для обозначения языков в польском, чешском, словацком, верхнелужицком, словенском и болгарском языках и т. д. [72, 214—217; 223—237]. Подобные случаи также несут на себе отпечаток специфического, но в ономаσιологическом плане.

Сюда же следует отнести и существование в языках таких слов, значения которых, т. е. понятия, связанные с ними, в других языковых социумах хранятся на невербальном уровне, не имеют словесного обозначения и только при необходимости могут быть пояснены при помощи языка. Так, например, в русском литературном языке нет слов, соотнесенных по значениям с укр. *ступак*, ‘загнутий верхній край лопати чи заступа, в який упираються ногою при копанні’ [СУМ IX, 305] или *скіпець* ‘ямка такой глубины, сколько захватит лопата’ [Гр. IV, 136] и т. п., но это вовсе не говорит о специфичности данных понятий в украинской языковой культуре: они действительно остались незамеченными русским языком, но не сознанием. То же относится и ко многим другим понятиям, которые в других языках получили однословное обозначение: укр. *падолист* ‘опавшая листва’; серб.-хорв. *загајити* ‘посадить лес, рощу’ (ср. укр. *гай*); болг. *сугреб* ‘нарытая земля’; англ. (to) *face* ‘смело, без страха смотреть в лицо опасности’; рус. *сутки* и фр. *vingt quatre heures* ‘двадцать четыре часа’ и т. п.

Существование подобных наименований дает основание исследователям различать безэквивалентную лексику в широком смысле слова (включая лакуны), т. е. такую, которая не имеет однословных эквивалентов в другом языке, и слов-реалий как части безэквивалентной лексики, служащих для обозначения уникальных для национальных культур реалем («культурем»).

* * *

Рассмотренные типы возможных межъязыковых лексико-семантических отношений покрывают, как было сказано, самые общие случаи. Более детальное их рассмотрение в се-

---

масиологических или ономасиологических параметрах сопоставления выявляет многообразие конкретных разновидностей корреляции сравниваемых лексем как по объему и содержанию семантики, так и по форме её выражения. Характеристике этих параметров сопоставления посвящена следующая глава.

Глава 5

ПАРАМЕТРЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Параметры контрастивного описания языков — это те существенные (значимостные) признаки, по которым обнаруживаются различия между сопоставляемыми языками. Выбор параметров сопоставления является, пожалуй, одним из сложных вопросов сопоставительной лексикологии. От правильности его решения зависит в конечном счете полнота и объективность контрастивного анализа лексических систем и единиц сопоставления. «Различия между отдельными языками или отдельными языковыми группами будут выступать тем ярче, чем более существенным для содержательной стороны языка будет признак, избранный как основа самого сравнения» [199, 4]. Безусловно, прав Р.О. Якобсон, заметивший, что «лингвистическая типология (так же, как и контрастивная лингвистика. — *В. М.*), основанная на произвольно выбранных признаках, не может дать удовлетворительных результатов, как не может их дать, например, такая классификация представителей животного царства, в которой вместо плодотворного деления живых существ на позвоночных и беспозвоночных, млекопитающих и птиц и т. п. был бы использо-